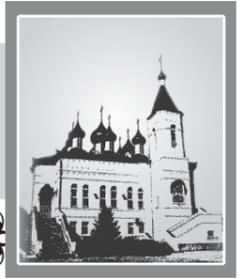

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с прот. Андреем Ткачевым. Беседа 17-я. Вера.

Слово пастыря

Дорогие друзья, приветствую вас! Сегодня мы с вами поговорим о вере, о том, чем мы чаем спастись, об этом подарке с Небес, который не выдумывается, не находится личными усилиями, но получается человеком в дар от Неба, и человек в конце концов спасается, веруя. Вспомним с вами несколько вещей, связанных с верой, описанных в Священном Писании Нового Завета.

И, во-первых, похвалим следующее: Христос ничему не удивляется, кроме лишь только наличию веры или ее отсутствию. Когда сотник капернаумский позвал Иисуса Христа посетить его больного отрока, он объяснял свое обращение к Нему так: «Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает» (Мф. 8, 9; Лк. 7, 8); имея в виду, что и Христос такой же: мол, Тебя все слушаются – скажи только слово, и исцелится отрок мой. То есть он имел веру в то, что Господа Иисуса Христа послушается болезнь и смерть с такой же степенью послушности, с которой римские солдаты привыкли слушаться своих командиров, а хочу вам доложить, что степень послушания римского солдата римскому командиру была чрезвычайная и ни с чем в мире более не сравнимая. Недовольство, выраженное нахмуриванием бровей, или взглядом, или grimасой – без слов, – наказывалось снятием головы с плеч на месте. Центурион мог отрубить голову всякому солдату, который нахмурился в ответ на приказание, так что его слушались все, как бога, этого римского офицера. И римский офицер считал, что Христос скажет слово болезни – и болезнь уйдет. Христос тогда удивился и сказал: «Я и в Израиле толикой веры не обрел... Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю» (Мф. 8, 10-12). То есть Христос удивляется вере, которая вдруг расцвела в душе человека, в котором вообще-то ничего особого цвести, по идее, не должно было бы. Ну, воюет, командует, пришел, как насильник, на чужую землю, живет, как оккупант, среди чужого народа – какая тут может быть вера? А в нем вдруг вера оказалась!

Так же точно Господь удивляется неверию. Когда, допустим, фарисеи и книжники высказывали всякие свои злые мысли Господу Иисусу Христу, Он скорбел о неверии их и жестокосердии, с гневом смотрел на них, удивлялся: как вы не имеете веры? Причем Он удивлялся тому, что веры нет в тех, в ком она должна быть, и что вера есть в тех, в ком ее особо и ожидать-то не приходится.

Так что вера есть дар удивительный. Она удивительным образом приходит к тем, от кого мы ее не ждем, и она странным образом

тихо покидает души тех, от кого мы ждем настоящей, чудотворной, сильной, мудрой веры, – а она потихонечку – раз! – и уходит. Она – небесная гостья, ее на цепь не посадишь! Если ты веру принимаешь и бережешь, за веру воюешь и за веру сражаешься, вера живет в твоей душе как за каменной стеной, она тебя питает и греет, она тебя защищает. А если ты относишься к ней, как к купленному товару в магазине: а у меня есть вера, уже есть, ну и хватит, и пусть лежит себе, как мешок зерна в кладовой, или как паспорт в сейфе, или как деньги в кармане, – тогда она потихонечку – раз! – на ножки встала, на крыла – и улетела, потому что она свободная, абсолютно свободная, она живет только там, где хочет жить, живет там, где защищают ее, где переживают о ней, где молятся о ней.

Надо еще иметь в виду вот что: вера всегда в душе человеческой живет вместе с неверием. Пропорция веры и неверия – она нашему глазу неподвластна. Бог знает, сколько в человеке неверия, сколько веры. И когда однажды Господь Иисус Христос пришел в гущу народа и увидел человека, у которого бесноватый ребенок, и отец жаловался на апостолов, что они не могли изгнать беса из его сына, говоря: «Если сколько-нибудь можешь помочь мне, помоги», – Христос отвечал: «Если можешь, веруй, ибо всё возможно верующему». И отец воскликнул некую страшную тайну о человеке: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» (см.: Мк. 9, 17-24).

Блаженной памяти Ф.М. Достоевский считал, что если человек не так говорит о своей вере, то он лжет. Тут имеется в виду вот что: если человек говорит о том, что он верит, абсолютно полной веры у него нет, это лжец, он сам себя не знает. Это будет либо намеренный лжец и лицемер, либо глупец, который поверхностно думает о глубоких вопросах. На самом деле, зная себя до корней и до какой-то степени глубины, зная свое сердце, мы знаем, что в нас живет неверие, в нас живет сомнение, в нас живет маловерие, малодушие, в нас живет отчаяние, в нас живет некий страх будущего, то есть в нас куча всего живет. Это что значит? Это значит, что мы тоже должны молиться Богу, говоря: «Верую, Господи! Помоги моему неверию». Вера во мне есть, но и неверие во мне есть. А чего больше, что победит – это, конечно, уже вопрос. Поэтому человеку необходимо знать о себе, что в

нем сохраняется неверие даже при том, что он набожен, благочестив, имеет страх Божий, старается Богу угодить, – и всё-таки в темных глубинах его сердца, как на глубине океана, ползает и шевелится непонятно что. «О, дум уснувших не буди: под ними хаос шевелится!»

Вот вторая очень важная вещь, касающаяся веры: она живет вместе с неверием, и одно с другим борется. Поэтому необходимо выбрать сторону веры и побеждать свое неверие, опытно приобретая некое духовное знание о Боге, о Его вездесущии, о Его всеисии, о Его всегдашнем желании помочь человеку, – это задача практическая для каждого верующего человека.

Еще одна, третья, очень важная вещь, которую нужно сказать о вере, – это то, что вера есть открытые двери для того, чтобы Богу зайти. Бог не заходит в дом человеческий, выбивая двери ногой, как забегают, например, в притон наркоманов полицейские или как кто-то еще имеет наглость через окно, с шумом и криком, врываться в наше жилище. Нет! Господь стоит и стучит! В XIX веке был такой английский художник У. Хант, он нарисовал картину «Ночной путник», или «Путник Апокалипсиса» («Светоч мира»).

Уильям Хант, «Светоч мира», 1856 г.

На ней изображен Иисус Христос с фонарем, фонарь в закрытом таком сосуде, чтобы ветром не задуло. Спаситель в терновом венце, в дорожной одежде; Он стоит у дверей некоего дома. Это очень известная картина, чрезвычайно известная, есть много перерисовок ее, и оригинальная картина сама очень любопытна.

Христос стоит у дверей некоего дома и стучится в эти двери. Очевидно, это двери сердца человеческого, и Он в них стучится. Он не бьет в эти двери ни локтем, ни плечом, ни коленом, Он туда аккуратненько стучится. У порога этого дома много бурьяна – это значит, что дверь нечасто открывалась, дверь закрыта, она уже заросла, а Он стоит и стучит... Знаете, как бывает, когда стучат к вам в дом аккуратненько, а вы вдруг музыку слушаете, вам не слышен стук, или у вас пьянка-гулянка, и вам не слышно, или футбол по телевизору – ура-а-а!!! – какое там, разве слышно, что Христос в дверь стучится? Не слышно! А вдруг ты спишь, например, – тоже не слышишь... Мало ли, почему ты не открываешь двери своего сердца.

И Ханту, автору этой картины, заметили такую интересную вещь: «Мы понимаем, что это аллегорическая картина: Христос стучится в двери наших сердец. Всё по-

нятно, двери заросшие, не открываются... А вот ручки-то нет! Там, снаружи, ручки нет! Вы забыли здесь ручку нарисовать! У любой двери есть ручка – и снаружи, и внутри». На что художник сказал: «У этой двери ручка только внутри». Снаружи у дверей сердца ручки нет. Двери сердца можно открывать только изнутри. Это – чрезвычайно важная мысль! Человек должен сам открыться Богу. Христос не будет насильно творить чудеса над человеком, который не открывает Ему дверь.

«Стою у дверей и стучу. Кто откроет мне – войду к нему и буду вечерять с ним, Я и Отец Мой» (ср.: Откр. 3, 20). А если дверь не открываешь – Он что, спецназ, или омононец, или Кто Он? Из налоговой службы? Он не будет ломать твою дверь. Он будет уважать твою свободу. Будет стоять и стучать, а ручка – только изнутри.

Кстати, и ад закрыт изнутри. Клайв Льюис в одном из своих богословских трактатов пишет о том, что двери ада закрыты изнутри, то есть люди сами находятся в глубине отчаяния, и они закрывают, так сказать, свою адскую камеру изнутри и не хотят оттуда выходить. Это касается наркоманов, самоубийц, это касается развратников, сребролюбцев, гордецов. Они заходят в адскую келью, закрывают ее изнутри и не хотят оттуда вылезать. И потом обвиняют Бога и всех святых в том, что жизнь у них не сложилась, что кто-то там в чем-то виноват, хотя, в принципе, только они и могут выйти из этой двери.

Не скажет век, с молитвой и слезой, Как ни скорбит перед замкнутой дверью: «Впусти меня! – Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверию!» – писал Ф.И. Тютчев о человеке XIX века. Конечно, в XXI веке эти проблемы усугубились и умножились.

Повторю: Господь не творит чудес насильно. Находясь в Своем городе, в Назарете, Он встречался с сомнением людей: мол, откуда у Него эти силы, знамения?! – и Он не совершил там чудес по их невежеству и лиху. То есть: если дверь закрыта, Я не ломаю. Если дверь открывается, Я захожу и делаю то, что нужно. А если дверь закрыта, значит, извините, Я больше ничем вам помочь не могу.

Итак, мы успели про веру сказать несколько вещей. Господь радуется вере и удивляется вере там, где ее, быть может, и не должно было быть; Господь печалится отсутствию ее там, где она должна была быть, и удивляется: как это у вас нет веры? почему у вас нет веры? Вера у человека есть одновременно с неверием, и от человека зависит вступить в борьбу и изгнать из себя то, что мешает, и оставить то, что помогает. Ну и, наконец, двери наших сердец заперты изнутри, и Господь не творит насильно чудес над нами до тех пор, пока мы не откроем Ему нараспашку двери своего душевного дома.

Имейте веру Божию, и да спасет вас милосердный Христос по молитвам Богородицы. Аминь.

Вопросы священнику

Что в святоотеческой литературе понимается под сердцем? Как оно очищается от страстей?

Слово «сердце» в библейской и святоотеческой литературе употребляется в различных значениях; оно имеет широкий смысловой спектр и поэтому может быть правильно понято только в контексте. Библейские тексты можно назвать «плавающими» текстами, в хорошем смысле этого слова: они держатся на поверхности океана, который называется вечностью, на той границе, где конечное соприкасается с бесконечным, где слово расширяет свою семантическую конкретность и приобретает многомерность символа. Не только пророк должен был находиться в состоянии богодухновения, проникая в сущности эмпирических и мысленных реалий, но и человек, читающий Библию и святоотеческие творения, должен находиться в одном гностическом русле с их авторами.

Вера и принадлежность к Церкви дают возможность вну-

тренне ощущать и правильно понять смысл пророческих слов. Только принадлежность к Церкви вводит человека в поле того света, в котором можно читать книги Библии, расширяет диапазон его духовного слуха, так что он может воспринимать и переживать их звучания и тонкие нюансы. Вне Церкви и вне благодати Божией человек оказывается в лабиринте субъективных представлений.

Мы назвали библейские термины «плавающими» терминами, так как единомерные и плотно привязанные к земным реалиям понятия, попав в иную непривычную для них метафизическую среду, просто бы потонули в океане неведомого.

Перед тем, как садиться за трапезу, человек моет руки, чтобы не занести в пищу какую-нибудь грязь. Перед тем, как человек начнет читать Священное Писание или творения святых отцов, он должен помолиться, чтобы Господь очистил его мысли от грязи страстей, от земных образов и дал бы понять слово Божие в самом высоком смысле. От того, кто читает поэтические произведения, требуется ответное

вдохновение, иначе стих, теряя эмоциональное содержание, останется мертвым. Вдохновение, только другого характера, требуется от того, кто читает Священное Писание.

Наиболее близким синонимом такого вдохновения является благоговение. Кто приступает к Библии без благоговения, для того она остается и останется закрытой книгой; если он даже выучит ее наизусть, то он не воспримет и не поймет ее. Библия, как мимоза, защищается от грубого прикосновения, сжимая свои лепестки.

Сердце может означать физический орган человека, место, где рождается мысль и слово, быть синонимом духа и ума, выражением эмоционального наслаждения человека, синонимом любви и т.д. Если вы хотите подробно ознакомиться с этим вопросом, то воспользуйтесь Библейской Симфонией, где слово сердце перечисляется около 1000 раз. Святой Иоанн Кронштадтский пишет: «Сердце – главное в человеке, сам человек – это его сердце».

Архимандрит Рафаил (Карелин)

« Райские хутора » и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в №20 (308)

– А ты сходил бы на озеро, – предложил мужик.
– Так это опять возвращаться, поезда ждать...
– Зачем? Поезд крюка дает, на поезде аж сорок километров будет, а напрямиком, – махнул он рукой, указывая направление, – километров семь-восемь.

– А там есть где переночевать?
– Поселок там, я и сам там живу. Ты вот что: как дойдешь, попадется тебе завод спервоначалу – забор, проходная, ветка железнодорожная – увидишь. Балки там делают, ну... вагончики блестящие для лесорубов. В четыре часа рабочие домой пойдут, ты поспрошай, пустит кто-нибудь, народ у нас добрый, приемчивый. Я бы тебя к себе пригласил, да в деревню иду на лошадь, в деревне, видать, и переночую...

К четырем часам Карцев добрался до поселка, нашел завод. Из проходной вышли несколько женщин. Выбрав поспимпатичнее, Карцев с ненадурной игривостью в голосе поспирит:

– Хозяйка, не дай замерзнуть приезжему человеку, возьми переночевать!

Она в ответ лишь усмехнулась и покачала головой. Но приостановилась.

– Да я серьезно, – сказал Карцев, сердясь на самого себя. – Из Москвы на рыбалку приехал, а переночевать негде. Я заплачу.

– Дело не в этом, – снова усмехнулась она, но на сей раз, как показалось Карцеву, уже мягче, добрее. – Семья большая, детей полон дом... Валь! – остановила она проходившую мимо женщину. – Кто у нас рыбаков пускает?

– Максютиха, – ответила Валя, – Татьяна Фролова, кто еще? Зойка Пальникова... Во, Зойк! Поди сюда!

Подошла еще одна женщина.

– Зойк! Возьми рыбака, – попросила ее симпатичная, – а то у меня, сама знаешь, детский сад целый, да у Колюшки еще и ухо болит – настыл где-то...

– Да где ж? – возразила Валя. – Говорю тебе, в хоккей гоняли, он шапку сбросил – запарился, видать, – а на озере ветер... Я уж кричала, кричала ему, а он – ноль внимания.

– Приду сейчас, устройю ему «ноль внимания»!

Карцев, глядя то на разговаривавших, то на Зойку, ждал.

– Идемте, – хрипловатым голосом сказала она.

Сначала шли вчетвером: женщины наперебой рассказывали о своих ребятишках, Карцев молча тащился сзади. Потом оказалось, что им с Зойкой сворачивать. Карцев поблагодарил женщин за заботу. Попрошачилась.

Зойка жила на втором этаже бревенчатого коммунального дома. Войдя в квартиру, она зажгла свет и, не оборачиваясь, устало проговорила: «Раздевайтесь, раздевайтесь, мы с дочерью – в маленькой комнате, вы – в большой: хоть на кровати, хоть на тахте», – повесила пальто и пошла растапливать печь.

Карцев снял тулуп, валенки, заглянул в большую комнату, которая оказалась совсем в общем-то небольшой, и обнаружил порядок невероятный: занавесочки, покрывала, салфеточки – все чистенькое, беленькое, отутюженное...

– Мне б лучше всего на пол, – рассудил он, – у меня вот и тулуп есть...

– На пол – это когда много народу, – все тем же усталым голосом сказала хозяйка, – а один – чего же?

– А дочка у вас взрослая? – поинтересовался Карцев лишь для того, чтобы хоть что-нибудь говорить.

– В детском саду. Ужин приготавливаю и схожу за ней. Да что вы там стоите? Проходите, садитесь – небось намаялись. Чайку сейчас вскипятим – на газу быстро. Печку – это я для тепла.

Карцев вытащил из рюкзака продукты, прошел на кухню:

– Я вот тут... – он стал вытаскивать из пакетов задубелый хлеб, каменно твердую колбасу, сыр, консервы.

– Да пригодится вам еще, – мельком глянув на стол, сказала хозяйка.

– Тут хватит. К тому же ледяное все.

– Ну, пускаяй остается, – согласилась она.

Потом Карцев искал место, где можно было бы пристроить до утра мотыля: чтобы и не замерз, и не запарился. Пристроил на лестнице ближе к первому этажу. Хозяйка уверила, что жильцы в доме насчет рыбалки грамотные и мотыля не тронут.

Наконец пили чай. Карцев вспомнил про пакет пастилы и угощал пастилой хозяйку.

– Жена небось положила?

– Нет, – возразил Карцев, – сам. – Понял, что сказал это зря, что теперь могут последовать какие-то новые вопросы, и свел все к шутке:

– Она фигуру мою бережет, – неуверенно улыбнулся, – так что это я сам себя побаловал... Да вы ешьте, не стесняйтесь, пожалуйста, – тут он смутился совсем, – я ведь терпеть не могу сладкого, это – так... подвернулось перед отъездом – взял. Девочку угостите, – и отодвинул пакет от себя подальше, к другому краю стола.

Пока хозяйка ходила за девочкой, Карцев изучил последние номера районной газетки, зевнул, осмотрелся и машинально, без всякой цели, определил: «Мужика, пожалуй, и не было – некрасивая. И девочку, наверное, так прижила, без мужа... Девочка в детском саду, хозяйке – за сорок, родила она, значит, лет в тридцать восемь-тридцать девять... Последний, можно сказать, шанс использовала... Какая-то уж совсем неухоженная: волосы патлами, нерасчесанные, двух верхних передних зубов не хватает, да и нижние не все. И уж, похоже, давно так: почти не шепелявит – приноровилась... Какой уж тут муж?.. Живет теперь для дочери – в доме порядок, чистота, и дочка, скорее всего, аккуратенькая, чистенькая девочка. Ну и все правильно, молодец мамаша. Может, она лучшая работница на своем заводе...»

Чай, тепло, телевизор разморили его, он прилег на тахту, уснул и проснулся только тогда, когда все передачи кончились: хозяйка выключила телевизор и легонько тронула Карцева за плечо. Он смущенно поднялся: «Вы уж извините, пожалуйста». Она попросила говорить тише, Карцев сообразил, что уже поздно, что девочка спит.

– Идите пока на кухню, покушайте, я вам постелю.

Он вспомнил, что до сих пор так и не ужинал, сел к столу. Тут пришла и хозяйка, занялась мытьем посуды.

Завалившись в кровать, Карцев слушал, как хозяйка прибирается на кухне, моет посуду, – слушал, задремывал, но не засыпал: «А что если она, domыв посуду, разденется, да и ко мне, а?.. Не красавица, конечно, но вообще-то бабешка спокойная, добродушная... Душевность какая-то в ней, конечно же, есть, так что... И потом: что я – не живой человек? Сколько можно жить монашеской жизнью?..»

Супруга его принадлежала к числу тех женщин, для которых мужчина – не более чем компаньон в деле продолжения рода. Обрушив когда-то на Карцева поток страсти, она благополучно произвела на свет двоих детей, а затем, отметив, что Карцев накрепко к сыновьям привязался, стала решительно пренебрегать своими обязанностями. Карцев иногда робко интересовался, намекал, но жена отвечала ему так, как, наверное, отвечала бы в людном месте на домогательства чужого мужчины. «Как не стыдно?!» – восклицала она с гневным недоумением и, поостыив, начинала рассказывать об очередном произведенном совещании. В конце концов Карцеву действительно стало стыдно, он переселился на раскладушку и полюбил книги об отшельниках и монахах. Время от времени задавался целью найти «бабешку», но для этого необходимо было хоть ненадолго вырваться из круга суетной каждодневности, но где там! На рыбалку бы раз в год попасть! И вот попал: и рыбалка тебе, и женщина...

В этот момент она и явилась. Карцев сжался, отодвинулся к стенке, но хозяйка прошла мимо, в свою комнату, и прикрыла дверь. Карцев подождал, подождал и вдруг, к стыду собственному, обнаружил, что раздосадован...

Среди ночи возник непонятный шум, зажегся свет. Карцев встал: все двери настезь. Одежда, вышел на лестницу. Оказалось, что стало худо старухе соседке. Хозяйка побежала за фельдшерницей. Карцев сел возле старухи – присмотреть. Вид у нее был безжизненный.

Явилась заспанная фельдшерница, сделала старухе укол, та очухалась. Вдохнула и, ни к кому не обращаясь, тихо произнесла: «Всего-то и жизни было – три дня. День – в девочках

побегала, день – в девушках погуляла, день – все остальное: работала, растила детей...» Слова эти произвели на Карцева тягостное впечатление: он давно уже – лет в тридцать – понял, что жизнь коротка необычайно; частенько словно из-за угла подсматривал он быстротечность времени. Он засекал его стремительность прежде всего по изменениям в лицах знакомых, родных, в своем лице; потому, что все чаще и чаще вспоминал в разговорах о событиях, происшедших двадцать пять, тридцать, а теперь уж и сорок лет назад; но более всего изумляли Карцева старые стенные часы: в детстве ему казалось, что бьют они чрезвычайно редко, теперь же они били почти без перерыва. Да, но чтобы всего три дня?..

– Я ведь уже оттуда гляжу, – прошептала старуха, обращаясь, как и прежде, ни к кому. Карцев понял, откуда она глядит.

– Позавчера – девчонка малая, – продолжала старуха, – вчера – с Колюшкой своим миловалась... Колюшка, он уж скольких годов в земле лежит, меня дожидаясь... А потом – сёнешний день – и все, – закрыла глаза. – И все...

Между тем приближалось утро, Карцев отправился на озеро.

Он прошел мимо огромной проруби, возле которой лежал черпак с длинной ручкой – здесь, очевидно, местные рыбаки намывали себе мотыля; прошел мимо одинокого рыболова, устроившегося не иначе как возле прикормленных с вечера лунок, прошел далеко и в каком-то непонятно почему приглянувшемуся месте остановился: «Нет, я все понимаю, – поставил ящик, снял с коловорота чехол, – но чтоб три дня...» – и начал сверлить.

Вяло поклевывали мелкие окуньки-«матросики», изредка брала небольшая плотва – Карцева это вполне устраивало. Оказалось, однако, что в других местах не клюет, к Карцеву стали сплзаться рыбаки, его «обсверлили», засветили воду через множество лунок, и сторожкая рыба ушла. Пришлось перебираться еще дальше. Поначалу его преследовало несколько человек, полагавших, наверное, что он знает удачливые места, но постепенно, разочаровавшись, отстали. К этому времени он оказался уже на противоположной стороне озера.

Погода стояла тихая, пасмурная, клева не было. Карцев от нечего делать решил посмотреть, что творится подо льдом, лег на брюхо, сунулся в лунку и замер, увидев опухшее от недосыпа лицо. «Тьфу, рож!» – плюнул в лунку, поднялся, побродил вокруг, гася вспыхнувшее раздражение, потом прилег прямо на снег, благо был в тулупе и ватных штанах, и уснул нездоровым, тяжелым сном.

Проснулся от холода. Стало сумеречно, задувал ветер. На озере не было видно ни одного рыболова. Вдалеке неспешно трусили по льду две собаки. Следовало бы возвращаться, но Карцевым овладело гнетущее, мутное безразличие: «А ну их всех...» Никого не было рядом, никого – вокруг: «И хорошо, здесь и останусь. Вот он, мой третий день... Какая разница – длиннее он или короче будет, важно, что старуха права: всего три дня, третий – последний... Никого... А никого мне и не надо...»

Приподнял голову – собаки подошли ближе и теперь стояли, повернувшись к Карцеву. «У меня и угостить-то их нечем. Небось на гулянку... или с гулянки...» И вдруг он, не успев еще осознать происходящее, рывком поднялся, схватил коловорот и замер в животном страхе. Хотел крикнуть и не сумел – горло, челюсти свело, словно параличом. И только теперь Карцев услышал бешеную скороговорку крови в висках: «Вол-ки, вол-ки, вол-ки...» Только теперь смог осмыслить и оценить ситуацию.

Звери стояли неподвижно: спокойно и терпеливо выжидали. Карцев, опустив руки, наклонился – это движение всегда безотказно отпугивало бродячих собак, – но волки не пошевелились. Подняв пустую бутылку, он швырнул ее в сторону животин. Не долетев нескольких шагов, бутылка упала на слезавшийся снег и скользнула вперед. Волки чуть отпрянули и снова остановились. Тогда Карцев, захлебываясь в истошном крике, бросился на волков. Оставалось совсем немного: он уже замахнул коловоротом, готовясь крушить налево и направо, пока хватит сил... Потом он понял, что зверей не напугал, – они не вздрагивали, не поджимали хвосты, но, похоже, яростное желание защитить свою шкуру произвело на волков впечатление: отвернувшись, они легкой рысцой – шаг в шаг, след в след – направились к поселку.

Продолжение следует

Отметки

Некий человек спросил одного старца: «Почему, когда я сижу в своем жилище, мое сердце бродит повсюду? Ответил ему старец: «Потому что больны твои чувства внешние: зрение, слух, обоняние, речь. Если же ты направишь их деятельность на чистоту, то чувства внутренние будут в покое и здравии».

Один мирянин весьма благочестивой жизни пришел к авве Пимену. У старца случились и другие братья желавшие, послушать беседы его.

Старец сказал благочестивому мирянину:

– Скажи что-нибудь в наставление.

Мирянин отнекивался, но принуждаемый старцем сказал: «Не умею говорить от Писания, но скажу вам притчу... Один человек сказал своему другу:

– Я желаю видеть царя, пойдем со мной.

Друг отвечал ему:

– Пройду с тобой половину дороги.

Сказал другому: Пойди, проводи меня к царю.

Тот отвечал:

– Доведу тебя до царского дворца.

Он сказал и третьему другу:

– Пойдем со мной к царю.

– Пойдем, – отвечал третий друг, – я доведу тебя до дворца, введу в него, скажу о тебе царю и представлю тебя ему».

Братия спросили, что значит сия притча. Мирянин отвечал:

– Первый друг есть подвижничество, которое доводит до истинного пути; второй – чистота, которая достигает до небес; третий друг – милостыня, которая с дерзновением приводит к Самому Царю – Богу.

Таким образом, братия получили назидание и разошлись.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

10 июл., вс. – Неделя 3-я по Пятидесятнице. Прп. Сампсона странноприимца. Прп. Амвросия Оптинского. Прав. Иоанны мироносицы. Прп. Севира пресвитера. Прп. Георгия Иверского, Афонского. Прп. Мартина Туровского. Прп. Серапиона Кожезерского.

11 июл., пн. – Иконы Божией Матери, именуемой «Троеручица». Прпп. Сэргия и Германа, Валаамских чудотворцев. Перенесение мощей мчч. бессребреников и чудотворцев Кира и Иоанна. Прп. Ксенофонта Робейского. Прп. Павла врача. Прмц. Севастианы.

12 июл., вт. – СЛАВНЫХ И ВСЕХВАЛЬНЫХ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. Свт. Григория, митр. Ираклийского (Конст.). Прп. Паисия Афонского (Святогорца). Касперовской иконы Божией Матери.

13 июл., ср. – Собор славных и всехвалых 12-ти апостолов. Прп. Петра, царевича Ордынского (Ростовского). Вмч. блгв. царя Стефана Дечанского. Свт. Софрония, еп. Иркутского. Иконы Божией Матери, именуемой «Вольнская».

14 июл., чт. – Бессребреников Космы и Дамиана, в Риме пострадавших. Прп. Никодима Святогорца. Прп. Иоанна Рыльского. Мч. Потита. Прп. Петра патрикия. Прав. Ангелины.

15 июл., пт. – Положение честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне. Ахтырской иконы Божией Матери. Свт. Арсения, еп. Тверского. Свт. Ювеналия, патриарха Иерусалимского. Свт. Фотия, митр. Киевского.

16 июл., сб. – Перенесение мощей свт. Филиппа, митр. Московского и всея России, чудотворца. Мч. Иакинфа. Свт. Василия, еп. Рязанского. Блгвв. кнн. Василия и Константина Ярославских. Прпп. Иоанна и Лонгина Яренских. Прп. Никодима Кожезерского.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!